

Танкер «Дербент»: Остров Чечен -4

Category: Kitarcsy, Powestler

написано kitarcsy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Остров Чечен -4 4.

На спардеке матросы стаскивали брезент со шлюпок. Одна из них была ярко освещена заревом пожара, и под ней за бортом вскипала розовая пена. Другая шлюпка была по ту сторону спардека, под ней было темно и шумели невидимые волны.

Гусейн первым прыгнул в освещенную шлюпку и стоял там, разбирая весла. За ним почему-то полез пожилой матрос Фомушкин, дотоле беспокойно вертевшийся у борта и помогавший снимать брезент.

– В шлюпке-то спокойнее, – пробормотал он, посмеиваясь, – все от мазута подальше...

Он уселся за руль, вцепился обеими руками в борта и виновато поглядел на Гусейна, как бы стыдясь своей робости.

– Майна! – крикнул Гусейн. – Советские моряки не бросают товарищей! Понятно?

Он был оживлен, почти весел теперь и, пока матросы вертели рукоятки шлюпбалок, все поглядывал на горящее судно, словно ему не терпелось рассмотреть его поближе.

Подбежал запыхавшийся Володя Макаров и замахал руками на матросов, спускавших шлюпку.

– Постойте, я с ними поеду, – кричал он. – Да постойте же!

– Спускай! – заорал Гусейн, поднимаясь во весь рост и балансируя руками. – Чего стали? Майна!

– Как же это, Мустафа? – залепетал Володя. – Басов идет, и ты, и Котельников... Вместе жили – и вот...

– Тебе держать связь с берегом надо. Ступай к аппарату. Дисциплины не знаешь!

Шлюпка скользнула вдоль борта танкера, и Гусейн, оттолкнувшись веслом, поставил ее против зыби.

– Как же это? – повторил Володя печально. – Один я...

Шлюпка нырнула между черными горбами зыби, слегка зачерпнув воду. Весла Гусейна взлетали над водой широкими взмахами, и сам он то подавался вперед, то медленно отклонялся, словно опрокидываясь на спину. Борт «Дербента» уходил в темноту, пламенея отраженным светом, и из-за его кормы выплыла, поблескивая веслами, вторая шлюпка, нежно-розовая и хрупкая, как апельсиновая корка.

– Басов идет, – сказал Гусейн, налегая на весла. – Советские моряки не бросают товарищей! – Он с удовольствием повторял ту фразу, которая, наверно, понравилась бы и Басову. – Правильно я говорю, браток?

Шлюпка взлетела на большую волну, ярко осветившись на гребне, и навстречу ей ветер донес первые струи дыма.

Фомушкин кашлянул и судорожно скривил рот, пытаясь улыбнуться..

– На огонь держи! – крикнул Гусейн, оборачиваясь. – Куда ты правишь?

– Там никого нет, – промолвил матрос, показывая на горящее судно, – там вода горит, посмотри!

Вокруг них колыхались широкие полосы света, и вода, стекавшая с весел, ярко блестела. Гусейн все оглядывался через плечо, стараясь разглядеть, что происходит на «Узбекистане». Он увидел острые языки огня, взвивавшиеся над переходным мостиком, и пустые окна верхних кают, извергавшие тучи искр. По борту судна, как из кипящего котла, текли пылающие струи нефти, растекаясь по воде красными ручьями, тускло светящимися сквозь завесу дыма.

– Там никого нет, – повторил Фомушкин упрямо, – пойдём назад, Мустафа.

– Но-но! – грозно окрикнул Гусейн. – Поговори у меня.

Навстречу шлюпке неслись розовые кусты дыма, и сквозь них виднелось что-то похожее на буй.

Буй приближался, покачиваясь на волнах, и как-то странно шевелился, словно живое существо, обросшее щупальцами. Гусейн бросил весла и перешел на нос. Двое людей держались за спасательный круг, повернув головы навстречу подплывающей лодке.

– Давай руку! – крикнул Гусейн человеку, смотревшему на него из воды. – Скорее, товарищ!

Рука была скользкая и холодная. Гусейн осторожно подхватил под мышки обвисающее тело и перетащил через борт.

– Ложись, браток, отдыхай, – сказал Гусейн, подтягивая спасательный круг. – Ну-ка, давай, следующий!

Второй был почти голый, и скользкое тело все вырывалось из рук Гусейна. Один глаз его был плотно прикрыт, другой – то открывался широко и бессмысленно, то снова прикрывался дрожащим веком. Он свалился на дно лодки и подобрал колени, сжимаясь в комок.

– Ми-и-лые, – сказал он, раздувая грудную клетку, – уж мы думали – амба нам.

– После расскажешь, – перебил Гусейн, садясь за весла. – Где же ваши шлюпки?

– Одну-то я видел... спустили, – простучал зубами спасенный, – да одна без весел... кажется, опрокинулась, когда я нырнул... Холодно!

Сзади набежала вторая шлюпка с «Дербента», гремя уключинами и качаясь на волнах.

– Ветер переменился! – крикнул Басов, сидевший у руля. – Не задерживайся, Мустафа.

– Двое есть, – отозвался Гусейн, работая веслами и оглядывая первых спасенных им людей с видом рыбака, вытянувшего хороший улов.

Фомушкин, сидевший все время неподвижно, вдруг вскочил и принялся стаскивать с себя пиджак, морщась от нетерпения. Он перешагнул через банку и приподнял за плечи голого человека.

– Надевай, надевай, пожалуйста, – говорил он настойчиво, – мне не надо...

– Ишь ты! – сказал Гусейн. – А у меня ничего нету... – Он взглянул на свою открытую грудь и засученные рукава рубашки, словно сожалея, что ему нечего отдать.

Навстречу двигалась густая пелена дыма. Она свивалась вокруг бортов шлюпки и клубилась под ударами весел, как вода. Где-то совсем близко вспыхнул тусклый язык пламени, и струя воздуха коснулась лица Гусейна. Он закашлялся и смахнул ресницами,

навернувшиеся слезы.

– Нефть горит, – проговорил Фомушкин; с тоской оглядываясь назад, – она разливается... Мы не выйдем отсюда, Мустафа.

– Помолчи, – приказал Гусейн, – никак зовет кто-то! – Он прыгнул на банку и прислушался.

Откуда-то сквозь ровный гул пожара донесся протяжный, ленивый крик; казалось, кричал насмерть усталый человек, потерявший надежду быть услышанным.

– Ид-ду-у! – заорал Гусейн. – Эй, подавай голос!

В ответ закричало уже несколько голосов, но крики доносились глухо, как сквозь стену. Из-за дыма выдвинулся острый нос шлюпки и медленно проплыл мимо. Матрос, сидевший на веслах, пригнул голову, сотрясаясь от кашля. Басов оставил руль и бросился к нему. По лицу его текли обильные слезы, он облизывал сухие губы, вдыхая едкий дым.

– Гребь, – сказал он странным, глухим голосом, – гребь, душа из тебя вон!

Матрос поднял кверху красное лицо с выпученными глазами загнанной лошади и замахал веслами. Ветер разметал дым и помчал над морем черные хлопья копоти, и на очистившемся клочке воды все увидели опрокинутую шлюпку. Она качалась, и поперек нее лежали человеческие тела. Другие, извиваясь, вползали по ее гладким бокам, и подошедшая волна сбрасывала их обратно в воду. Вокруг дымились и тлели пятна нефти, а с противоположной стороны медленно растекалась сплошная лава огня.

Фомушкин положил руль на борт и завертелся на сиденье, поводя вокруг полоумными глазами.

Шлюпка круто свернула влево.

– Посмотри, Мустафа, – лепетал матрос невнятно, – назад посмотри... горит...

Вдалеке маячил неподвижный силуэт «Дербента», и по его спардеку, как вспышки молний, пробежали красные искры.

– «Дербент» горит, – заплакал навзрыд Фомушкин, корчась, как эпилептик, грозя кулаком Гусейну. – Погубил ты меня, сволочь... Куда я теперь? Море кругом... А-а-а!..

Он вытаращил в темноту чудовищные плоские глаза и громко всхлипывал, захлебываясь дымом. Гусейн лез к нему через банки, раскачивая шлюпку и скрипя зубами.

– Молчи! – заревел он неистово. – Расшибу в кровь... за борт кину. Молчи!

Он взмахнул кулаком, но не ударил, а схватил матроса за шиворот и стащил с сиденья. Красные огни на «Дербенте» мелькнули раз, другой и погасли.

– Смотри, дура, – крикнул Гусейн, задыхаясь, – это стекла блестят, а ты скулишь! Э, дерьмо!

Он выдернул руль из гнезда и сел на весла. Шлюпка Басова была уже подле кромки огня и сильно раскачивалась оттого, что люди повисли на ее бортах, торопясь выбраться из воды. Опрокинутая шлюпка переваливалась на волнах, и мокрые бока ее, как зеркало, отражали огонь. Гусейн приблизился к ней, ударил с разбегу в ее борт и тотчас вскочил на ноги. Из воды показались цепкие руки и темные гладкие головы с запрокинутыми бледными лицами.

– Стой! – кричал Гусейн, перебрасывая через борт тяжелое тело, обдавшее его потоками воды. – Не хватайся все с одного края. Перевернемся, гляди.

Лицом и открытой грудью ощущал он нестерпимую близость огня, и казалось, что вот-вот лопнут глаза – не выдержат слепящего жара. Но он все вытаскивал из воды скользкие полуголые тела и клал их к противоположному борту, чтобы не перевернулась шлюпка.

– Всех возьму, – говорил он, плеская себе горстью в лицо соленую воду. – Да не цепляйся же руками. Брошу разве тебя здесь? Эх, товарищ!

Потом он нащупал неподвижное, совершенно нагое тело и старался приподнять его, но оно выскользнуло из рук, и он снова поймал его за волосы и уже не выпускал больше. Опрокинутая шлюпка уже дымилась, и ее осторожно облизывали желтые язычки пламени, выползавшие из-за пелены дыма. Шлюпка Басова развернулась кормой к огню. Она прошла совсем близко, и Гусейн увидел, как греб Басов, медленно забрасывая весла, словно висела на них непомерная тяжесть.

– Отходи, – крикнул механик, все тем же звенящим голосом, – на тебе рубашка тлеет!.. Отходи, говорю!

Но Гусейн все еще боролся с мертвым грузом безжизненного тела. Он поднял его наполовину из воды и подхватил под мышки, собираясь с силами.

Внезапно дунуло жгучим потоком, посыпались красные искры, и он почувствовал нестерпимую боль. Рядом с ним кто-то замычал громко сквозь сжатые зубы и заколотил ногами в борт шлюпки. Гусейн напрягся, медленно преодолевая тяжесть, повисшую на его руках, и, когда вытащил наконец тело, упал на сиденье и ошупью нашел весла.

Он ничего не видел в дыму, его забил кашель, в глазах поплыли черные круги. Он греб, машинально двигая руками и откидываясь назад, чутьем угадывая направление.

Понемногу дым поредел, воздух стал чище, и Гусейн глубоко вздохнул несколько раз и, откашлявшись, сплюнул за борт. Глаза его слезились от жара и копоти, но сквозь пелену слез он видел летящие по ветру кудрявые пряди дыма и за ними черно-золотой остов горящего танкера. Огонь метался над ним, как рыжий косматый зверь, перепрыгивая через надстройки и вгрызаясь в палубу, и из-под его зубов брызгали фонтаны горячей нефти. Потом танкер медленно повалился набок, показав из воды плоское дно, и из трюмов хлынула буйным потоком золотая лава, выхватив из темноты широкий круг моря.

На самом краю освещенного круга стоял «Дербент». К нему сходились плотно набитые людьми белые шлюпки, кивали носами, переваливаясь на волнах, и блестели мокрыми лопатами весел – три впереди и одна сзади. Передние замедляли ход, поджидая отстающую, на которой гребец неравномерно взмахивал веслами, качаясь на банке как пьяный. Потом его сменил другой, и отставшая шлюпка скоро присоединилась к передним. Так шли они некоторое время рядом, но вдруг одновременно затормозили и подняли весла.

Горящий корабль уходил кормою в воду, задрав кверху черный нос, кутаясь в облаках дыма, и небо над ним быстро темнело. Скоро дым рассеялся. В том месте, где лежало судно, уже ничего не было. Только широкие полосы нефти догорали на воде,

вспыхивая тусклым пламенем.

Яснее обозначились на «Дербенте» блестящие ряды иллюминаторов и освещенных окон верхней палубы. Металлический вой сирены, скликавший шлюпки, рванул воздух.

Гусейн сидел на корточках, упираясь руками в мокрое дно лодки и прислоняясь плечом к маленькому человеку, сидевшему рядом. Когда скрылся под водой остов «Узбекистана», человек этот начал всхлипывать, и Гусейн молча нашел его руку. Рука была маленькая, тонкая, и Гусейн подумал, что этот спасенный человек должен быть очень мал ростом и худ как ребенок.

– Это ты, Валерьян? – спросил он тихо.

– Конечно, я, – отозвался басом маленький радист. – А вы кто?

– Я Гусейн, моторист с «Дербента». Почему ты плачешь? Ты обгорел?

– Нет, не очень. Мне танкера жалко... А вам?

– Мне тоже...

Мальчик завозился и вздохнул глубоким, дрожащим вздохом.

– Вон наша шлюпка идет, цела, значит. А другая опрокинулась, я на ней был. Только тут не все наши... – Он прижался к плечу Гусейна и зашептал: – Послушайте. Здесь лежит дядя Коля, наш кочегар. Он не двигается и, кажется, не дышит. Я боюсь...

– Молчи, Валек, – сказал Гусейн, обнимая мальчика. – Дядя Коля умер.

На палубе «Дербента» столпились вдоль борта люди, освещенные сзади ярким светом фонаря. Фомушкин энергично налегал на весла, поглядывая через плечо туда, где свешивались со спардека концы перекинутых через блоки шлюпбалок.

– Крюк! – сказал Гусейн, поднимаясь на ноги. – Эй, на «Дербенте»!

Он дышал коротко и неглубоко, в груди его клокотало и скрипело, кожа горела, в глазах было мутно от слез. Шлюпка скользнула вверх, и он увидел у борта Володю, высматривающего его с заботливой тревогой. Он улыбнулся Володе, как улыбается человек после кошмарного сна, узнавая склонившееся над ним участливое, дружеское лицо. Ему хотелось сказать, что он плохо видит и едва стоит на ногах, что ему больно, но не сказал и только прохрипел деловито:

– Позаботься насчет перевязки, Володька. Здесь есть обгоревшие. Powestler